

Г.А. Золотков

аспирант философского факультета ВШЭ

zolotkov_grigory@mail.ru

А.Ю. Жулитова

магистр философии

anagata@zhulitova.ru

ПРОБЛЕМА НЕСВОДИМОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ К ЯЗЫКОВОМУ ВЫРАЖЕНИЮ В РАБОТАХ Л.ВИТГЕНШТЕЙНА

На основе идей Л.Витгенштейна авторы статьи рассматривают аргументацию против представления об эстетике как о теоретическом исследовании. Согласно критикуемому представлению сфера эстетики может иметь четкую артикуляцию также как естественные науки, а в отношении произведений искусства могут быть уместны споры о более точном их анализе. В работах Витгенштейна этому представлению противостоит понимание эстетики как сферы, имеющей особый статус, согласно которому ее смысл принципиально не может быть схвачен теорией.

Ключевые слова: эстетика, произведение искусства, выразимость эстетики, Витгенштейн, этика, логическая форма, языковые игры

The article is concerned with arguments against the understanding of aesthetics as a theoretical research. According to such understanding the realm of aesthetics is feasible to a kind of scientific articulation. According to Wittgenstein aesthetics is a peculiar realm and its substance could not be expressed.

Keywords: aesthetics, work of art, expressibility of aesthetics, Wittgenstein, ethics, logical form, language game

Одна из традиционных задач эстетики – это определить значение (или сущность) таких понятий как «искусство», «художественное произведение», «прекрасное», «возвышенное» и др. Общая структура этой задачи выглядит следующим образом: «Что такое искусство, прекрасное, художественное произведение и т.д.?». Эта структура вынуждает рассматривать искусство или прекрасное как объекты познания, то есть как то, что может и должно быть описано ясно и отчетливо. Подчиняясь этому требованию, мы нерелексивно принимаем «правила игры» науки.

Однако история эстетической мысли показывает, что у нее не выходит быть объективным исследованием. Субъективизм в теоретическом осмыслении искусства наглядно демонстрируется в невозможности однозначной интерпретации. Хрестоматийным примером такого конфликта является спор М.Шапино и М.Хайдеггера о «Башмаках» Ван Гога [Хайдеггер, 2008, с. 528; Шапино, 2001, с. 28-39]. Один утверждает, что на картине изображены ботинки художника, другой, что крестьянские. Можно ли сказать, что чья-то интерпретация вернее? Что кто-то лучше передает суть дела? Существуют ли критерии, позволяющие решить подобный спор?

Аналогичным образом вопрос об объективности основных понятий эстетики ведет к дискредитации теоретического статуса данной дисциплины. Необходимо отметить, что в этой статье под вопрос ставятся не сами эстетические феномены, а возможность их описания в языке.

Особый интерес к проблеме невыразимости эстетических феноменов в языке возник в XX веке. Вопрос о взаимоотношениях эстетических феноменов с языком ставился как внутри философии (например, А.Айер и Ч.Стивенсон), так и в искусстве и критике (например, Д.Кошут, У.Уимсат и

G. Zolotkov, A. Zhulitova *The problem of the irreducibility of aesthetic phenomenons to language expression in L. Wittgenstein's works*

М.Бердслей). Рассматриваемые через призму языка эстетические феномены стали суждениями, которые анализируются на предмет их семантики, структуры высказываний и эмотивных функций.

Поворот к подобным исследованиям эстетики связан с работами Л. Витгенштейна. В своей первой работе он строит теорию языка, отрицающую возможность выражения ценностного содержания в теоретической форме [Витгенштейн, 1994, с. 1-75]. В последующих работах эти идеи получили дальнейшее развитие, и в наиболее полно были отражены в «Лекциях и беседах об эстетике, психологии и религии».

1. Экспликация теоретических оснований принципа невыразимости на примере этики

Витгенштейн выдвигает тезис о непригодности языка для теоретического осмысления эстетической сферы. Эти размышления являются частью его критики выразительных способностей языка. Так, наравне с эстетикой, философ отвергает возможность артикуляции этического, сферы религиозного опыта и логические основы мышления, фундирующие смысловую содержательность языка.

Теоретический фундамент эстетических рассуждений Витгенштейна не всегда ясен. Без этого, однако, его эстетика лишается наиболее содержательной части. С другой стороны, теоретические основания невыразимости гораздо полнее представлены в размышлениях философа о сфере морали. В настоящей части работы делается попытка выявить определенную логику в размышлениях Витгенштейна, руководствуясь которой он отрицает возможность теоретического осмысления сфер этики и эстетики.

Подобная экстраполяция может показаться сомнительной в отношении поздних взглядов мыслителя. Действительно, в поздний период отождествление этики и эстетики отсутствует у философа. Тем не менее, отрицание возможности их теоретического исследования строится вокруг одного принципа.

Витгенштейн разработал два метода анализа языка. Этими методами творчество философа делится на два периода: ранний период «Логико-философского трактата» (с 1913 по 1929) и поздний период опубликованных посмертно «Философских исследований» (с 1929 по 1951). Именно эти методы являются основой представлений о невыразимости философа.

В ранний период в центре теории языка Витгенштейна находится «логическая форма», то есть совокупность формально-логических структур, содержащихся одновременно и во внешнем мире, и в языке, и в мышлении [Витгенштейн, 1994, с. 8-9]. Перевод предложений на язык формальной логики, анализ входящих в них имён собственных и их синтаксиса, позволяет определить, соответствует ли предложению некоторая возможная конфигурация события, имеет ли такое предложение смысл.

Предложения этики могут основываться на правильном синтаксисе. Тем не менее, используемые в них имена собственные, например «добро», имеют особый, ценностный характер, который не может быть схвачен с помощью синтаксиса. В связи с этим их смысл не выражается ни в языке, ни в мышлении, ни в мире.

В «Трактате» язык призван отражать действительность. Это означает, что потенциально совокупность всех возможных предложений полностью описывает мир. Наоборот, ценностные высказывания пытаются описать что-то за пределами мира.

В мире «Трактата» всё случайно. Это объясняется тем, что в основании мира лежит только «логическая форма». Она задает пространство возможного, но не необходимого, что делает развитие событий в мире случайным. Наоборот, нормы нравственности категоричны, свойственная им строгость возможна только вне случайного мира, они трансцендентны миру. Поступок оказывает влияние не на факты мира, но на наше ценностное восприятие мира. Невыразимой этику делает ее стремление, сказать что-то о том, что лежит за пределами мира фактов [Витгенштейн, 1994, с. 70-71].

Г.А. Золотков, А.Ю. Жулитова *Проблема несводимости эстетических феноменов к языковому выражению в работах Л. Витгенштейна*

В поздний период Витгенштейн основательно переосмысливает метод анализа языка. Универсальную «логическую форму» он заменяет многообразием «грамматик языка», то есть множеством систем языковых правил. Это означает, что язык управляется формальной логикой только частично. Существует множество регионов языка, не контролируемых логикой. Метод анализа языка позднего периода построен на прояснении правил конкретных языковых регионов или языковых игр.

Данный метод значительно раздвигает границы выразительных способностей, отводимых Витгенштейном языку. Статус невыразимых получают только те игры, которые позиционируют себя как метаязык, «грамматику грамматик», задающую правила всем другим играм. Действительно, такие «псевдо» употребления, пытаясь дать обобщенную картину языка, не опираются на коммуникацию. Значение их понятий искусственно, чрезмерно общо. Попытки ограничить, например, понятие «добро» одним единственным употреблением, не имеющим аналога в обыденной жизни, есть серьёзная ошибка этических программ.

В поздний период проблема невыразимости этики рассматривается Витгенштейном в контексте теории языковых игр. На первый взгляд язык морали также должен быть интерпретирован как языковая игра. Действительно, аргументация, апеллирующая к нравственности, имеет вполне определенное назначение и, следовательно, должна иметь артикулируемые правила. Тем не менее, мнение Витгенштейна по этому поводу не так однозначно.

В беседах со своим другом и учеником Р.Рисом Витгенштейн затрагивает понятие «правильная этика», и рассматривается два возможных способа изучения сферы этики как класса языковых игр.

Первый способ имеет спекулятивно-метафизический характер и направлен на установление правил поведения путем анализа ситуации нравственного выбора. Конечной целью такой способ имеет установление «правильных» правил. Но в реальной жизни, замечает Витгенштейн, человек выбирает не между добром и злом, но между нравственными системами, автоматически задающими парадигму решения вообще всех этических проблем.

Целью этического исследования в такой трактовке могло бы быть составление иерархии этических систем. Но оно невозможно, так как потребовалось бы предварительно установить критерии оценки, которые неизбежно были бы подчинены одной из систем. Так и христианство и ницшеанство помогают решать жизненные проблемы, вопрос же о том, что из них нравственнее, считает Витгенштейн, не имеет смысла, «...с ним сравнимы попытки определить, какой из двух стандартов точности верен» [Rhees, 1965, p. 23]. Вопрос о правильности этических программ отвлекает от реальных нравственных проблем и впадает в метафизическую мечтательность.

Другой способ близок методам социологии и психологии и связан с рассмотрением нравственности как совокупности обычаев, команд или описаний. Витгенштейн, однако, считает, что мораль самобытна и не может быть сведена к чему-то имеющему четкое языковое значение: нравственный поступок не сводится к исполнению команды или предписания, не совершается по шаблону. Подобные исследования морали не затрагивают сути отдельной системы нравственной системы.

Таким образом, и в ранний и в поздний период для Витгенштейна теоретическое исследование этики невозможно из-за её ценностного характера. Соблазн артикулировать эту сферу возникает в результате стремления к упрощённому изображению этики, абстрагированному от реальной жизни и обобщающему многообразие нравственной жизни в некую «усредненную нравственность». Равно ошибочно представление, что множественность этических систем ставит перед исследователем требование создать универсальную теорию морали, и отрицание ценности этих исследований. Эти исследования важны, но не по причине «...исправления взгляда на идеальную форму [этики], но по причине удержания от ее поисков» [Rhees, 1965, p. 25].

2. Взгляды Витгенштейна на эстетику

Витгенштейн в «Лекциях и беседах об эстетике, психологии и религии» не задается традиционным вопросом «Что значит прекрасное?», но он спрашивает, в каких ситуациях мы

говорим «Прекрасно!». Такое изменение точки зрения на проблему демонстрирует трудности в использовании языка для описания эстетики.

«Прекрасно!» мы употребляем не только, когда хотим выразить наши чувства относительно произведения искусства, но и когда мы восхищены красивым человеком или вкусным пирожным. Увидев великое произведение искусства, мы не ограничены только выражением «Прекрасно!», мы можем воскликнуть «Ах!» или просто промолчать, но наше выражение лица выдавало бы восхищение. Вне зависимости от того, что мы скажем, глядя на произведение искусства, наши чувства не изменятся, да и сама художественная работа останется прежней. Интересно, что для Витгенштейна более точно наши чувства выражает не то или иное высказывание, а выражение лица: «Я говорю, например, об улыбке: “Она какая-то неискренняя”. “Какая чепуха, губы отделены только на 1/10000 дюйма. Разве это имеет значение?”. “Да”» [Витгенштейн, 1999, с. 41]. В отличие от слов, с помощью которых произведению приписываются свойства прекрасного («Какая прекрасная мелодия!»), выражение лица дает понимание, что это наши чувства. Они принадлежат не художественной работе, а человеку, который их испытывает. Витгенштейн пишет: «Глупо называть музыкальный фрагмент “Весенняя Симфония”, но слово “по-весеннему” вовсе не было бы абсурднее, чем слова “статично” или “помпезно”» [Витгенштейн, 1999, с. 14-15]. Когда мы говорим о музыкальном фрагменте, мы не оцениваем его, а представляем «как нечто характерное».

Описывая ситуации, в которых мы употребляем слова, Витгенштейн тем самым показывает, что понятия эстетики не могут служить познанию эстетических феноменов. Не имеет смысла проследить историю категории «прекрасное», чтобы понять феномен прекрасного. «Прекрасно!» не передает объект или хотя бы его характерные черты, в противном случае мы имели бы право построить теорию на основе «Ах!». Тем самым можно видеть разрыв между эстетическим феноменом и словом «прекрасное», которое его обозначает.

Если «Прекрасно!» говорит – пускай и хуже чем выражение лица – о наших чувствах и переживаниях, то можем ли мы взять эти чувства в качестве объектов познания в эстетике? В «Философских исследованиях» философ отрицательно отвечает на этот вопрос. Витгенштейн посвящает этой теме § 289-299, где он рассматривает выражение «Мне больно!». В этих параграфах, проводя аналогию с жуком в коробочке, он демонстрирует невозможность слов отсылать к чувствам. Он предлагает вообразить, что у каждого есть коробочка, в которую другой человек не может заглянуть. В ней лежит объект, который мы договорились называть жуком. О том, что такое жук, мы знаем только из *своей* коробочки. Тем самым словом «жук» может быть обозначена совершенно любая вещь или даже пустота в коробочке. Так и объект, который мы называем болью, существует только для того, кто говорит «Мне больно!», другие же не имеют к нему никакого доступа.

Может показаться, что Витгенштейн запрещает говорить о чувствах, но это не так. Он лишь указывает на то, что «если грамматику выражения ощущения трактовать по образцу “объект и его обозначение”, то объект выпадает из сферы рассмотрения как не относящийся к делу» [Витгенштейн, 1994, с. 182-183]. Тем самым предмет эстетики оказывается недоступным. Суждения эстетики опираются на отличную от понятия-объекта логику: «если мы должны говорить об эстетических утверждениях, мы не обнаруживаем этих слов вообще: лишь слово, употребленное как жест, сопровождаемое сложной деятельностью» [Витгенштейн, 1999, с. 23].

Помимо обоснования через ситуации, в которых мы говорим «Прекрасно!», в «Лекциях» Витгенштейн показывает, возможные противоречия, возникающие из принятия тезиса о схватывании понятиями эстетических феноменов. Если утверждается, что эстетическое удовольствие – это определенный тип наслаждения, то различие между наслаждением живописью и ванильным мороженым становится неочевидным и требует обоснования. Слово «наслаждение» позволяет поставить эти вещи в один ряд. Однако каким образом мы четко отличаем наслаждение живописью от наслаждения ванильным мороженым? Сами по себе суждения не содержат такого критерия.

Г.А. Золотков, А.Ю. Жулитова *Проблема несводимости эстетических феноменов к языковому выражению в работах Л. Витгенштейна*

В «Лекциях» дается структура эстетического объяснения. Как утверждает философ, они имеют грамматический характер, то есть зависят от того, как мы строим предложения и употребляем слова. Эстетическое объяснение как определенная языковая игра предполагает установление причин и следствий, а не сущностей. Вопросом является не «что?», а «почему?»: Почему картины художников невозможно сравнивать с мороженым? Почему меня трогает один фрагмент из ноктюрна Шопена? и т.п. Мы хотим знать набор причин, которые привели к имеющимся следствиям.

Витгенштейн подчеркивает, что эстетические объяснения не могут мыслиться как научные. Во-первых, подобные объяснения не могут быть универсальными: существуют культурные ограничения и уникальный опыт, задающие перспективу восприятия. Витгенштейн пишет: «Ср.: ношение голубых или зеленых брюк может в определенном обществе означать многое, а в другом – не означать ничего» [Витгенштейн, 1999, с. 25]. А для отдельного человека, живущего в обществе, где цвет штанов ничего не значит, они могут обладать смыслом. Например, в школе его заставляли надевать зеленые штаны, поэтому они ассоциируются с ненавистной школой. Во-вторых, эстетические объяснения нельзя проверить на истинность ни с помощью верификации, ни с помощью фальсификации. Критерием для определения правильного объяснения в эстетике, по Витгенштейну, является то, что мы были удовлетворены ответом. Ключевой критерий успешного объяснения состоит в том, что «ты должен дать объяснение, которое будет принято» [Витгенштейн, 1999, с. 29].

Из вышесказанного следует, что теоретическое исследование эстетики невозможно, так как она смотрит на вещи из принципиально иной перспективы, нежели, например, наука. Является ли наука единственным способом исследования? Если эстетика – определенная языковая игра, то ее правила могут не совпадать с наукой. Так, причинное объяснение в эстетике, по Витгенштейну, отличается от научного. Эстетическое объяснение не устанавливает жесткую связь между причиной и следствием, а лишь описывает «дорогу, по которой вы шли». Для философа подобный тип объяснения сравним с поиском мотива: с одной стороны, мы поступили определенным образом, мы можем и не задумываться о мотивах наших действий, с другой же – мы вроде как должны быть способными дать отчет, почему так поступили. Причины могут оказаться не реальными, а лишь возможными. Таким образом, эстетическое объяснение может быть даже не пройденной дорогой, а лишь предполагаемой.

В этой связи важно проводимое Витгенштейном в «Лекциях» различие между причиной и вопросом «Почему?». Так, вопросы «Почему *зрителей* трогает это произведение?» и «Почему *меня* трогает это произведение?» – имеют принципиально различный смысл. Первый спрашивает о причине, второй имеет в виду нечто принципиально иное. В отличие от причины эстетическое «Почему?» не требует объективного ответа. Это «Почему?» касается только того, кто задается этим вопросом, и цель здесь – удовлетворить спрашивающего, а не дать неопровержимый ответ.

Таким образом, по Витгенштейну языковое описание эстетических феноменов невозможно. Нельзя корректно поставить вопрос «О чем это произведение?» или «Что такое прекрасное?», так как в этих случаях приходится конструировать невозможные теоретические объекты. Витгенштейн видит смысл в вопросе «Почему?», но с его точки зрения этот вопрос невозможен в рамках научнообразного исследования. Эстетика не сводится к набору теоретически-бессмысленных предложений, она имеет свою собственную логику, невыразимую в этих предложениях. Эстетическое исследование имеет иной, нетеоретический смысл, важный в первую очередь для самого спрашивающего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии // Перевод с англ. *Руднева В.П.* – Москва: Дом интеллектуальной книги, 1999.

G. Zolotkov, A. Zhulitova *The problem of the irreducibility of aesthetic phenomenons to language expression in L. Wittgenstein's works*

2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. / Перевод с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Ацева. – Москва: «Гнозис», 1994.
3. Хайдеггер М. Исток художественного творения. – Москва: Академический Проект, 2008.
4. Шапиро М. Натюрморт как личностный объект // Топос, XII 2-3 (5), 2001.
5. Rhees R. Some Developments in Wittgenstein's View of Ethics // The Philosophical Review. 1965. Vol. 74. № 1. P. 17-26.

REFERENCES

1. Heidegger M. *Istok hudojestvennogo tvoreniya* [Der Ursprung des Kunstwerkes], Moscow, Akademicheskii Proekt, 2008.
2. Schapiro M. *Naturmort kak lich'nostnii ob'ekt* [The Still Life as a Personal Object] in *Topos*, Vol. XII, № 2-3 (5), 2001.
3. Rhees R. Some Developments in Wittgenstein's View of Ethics in *The Philosophical Review*. 1965. Vol. 74. № 1. P. 17-26.
4. Wittgenstein L. *Filosofskie raboti. Chast' I* [Philosophical works. Part I], ed. M.S. Kozlova Moscow, Gnozis Publ., 1994.
5. Wittgenstein L. *Lekzii i besedi ob estetike, psihologii i religii* [Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology, and Religious Belief], ed. Rudnev V.P. Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 1999.